

Р. Толчев

Две эллинистические утопии в изложении
Диодора Сицилийского

/Из материалов к книге:

"История античной литературной утопии"/

УТОПИЯ ЯМБУЛА

Эта утопия дошла до нас в изложении Диодора Сицилийского. Следовательно, она была создана не позднее времени составления его "Исторической библиотеки" /40-е - 30-е гг./ 1 в. до н.э./ . Вопреки традиционному мнению, относящему роман Ямбула к II в. до н.э., следует считать, что он появился не ранее, чем за столетие до "Исторической библиотеки", весьма вероятно, что уже в I в. до н.э.

Изложение Диодора, насколько можно судить, отличается инвентарной, так сказать, полнотой: перечислены многие черты, характеризующие природу и образ жизни обитателей острова Золнца; однако подробности, которые мы хотели бы узнать, остаются для нас неизвестными. Следует отметить, что иногда приводит в недоумение порядок изложения, как он представлен в наших рукописях. В одном случае этот порядок был превосходно подправлен в XIII в. Весселингом; мы также попытались внести некоторое улучшение /впрочем, менее очевидное и нужное, т.к. вообще несооследовательности в рассказе Диодора все равно остаются/. Все же, обилие различных деталей нам кажется более существенным, чем некоторый беспорядок в изложении, а мы думаем, что в целом пересказ Диодора верно передает характер утопии Ямбула.

Утопия эта своеобразна прежде всего тем, что с равной полнотой соединяет в себе как черты, характерные для образа счастливой жизни, присущего картинам Золотого века и тяготеющим к этой модели утопиям, так и черты, свойственные так называемым социальным утопиям. С одной стороны, остров Золнца расположен в зоне наилучшего климата, земля сама родит все необходимое для существования, жители отличаются ростом, силой, красотой, здоровьем, долголетием, умирают они безболезненно. С другой стороны, они организованы по группам, подчиняющимся старшим; ведут, при всем изобилии, умеренный образ жизни; у них существует строгий распорядок во всем, что касается принятия пищи; принудительное самоубийство для людей, достигших определенного возраста и каменных; неполющенных /точнее сказать: не вполне совершен-

ных/ детей они выбрасывают; матери своих детей не знают.

Рассказ об острове Солнца у Ямбула был включен в рамку романа-путешествия. В соответствии с художественной задачей создания иллюзии достоверности /формально присутствующей в огромном большинстве утопий/ Ямбул назвал себя купцом; кроме того, с той же целью, а также ради большей развлекательности он щедро описывал диковинки растительного и животного мира далеких стран и различные особенности внешнего вида и обычаев туземцев. Ученые не раз пытались среди фантастики отыскать какие-либо реалии географического и этнографического характера на сообщениях Ямбула. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что нет никаких оснований считать, что хотя бы в основе романа Ямбула лежало действительное путешествие, что его сообщения, как правило, являются плодом индивидуального вымысла, на который реальные сведения /равно как и недостоверная литературная традиция/ могли оказывать разве стимулирующее воздействие. Уже Луккиан именно так воспринимал характер ямбулова сочинения.

Сходным образом обстоит дело с теми фантастическими подробностями в рассказе Ямбула, которые на первый взгляд могли бы вызвать подозрение в фольклорных корнях некоторых сторон его романа и утопии. Оказывается, что и здесь в подавляющем числе случаев мы имеем дело либо с индивидуальным вымыслом, либо с опорой на литературную традицию.

Последнюю, как она отразилась в утопии Ямбула, имеет смысл коротко рассмотреть.

1. Эпическая традиция.

Преимуществом между описанным островом Солнца и садом Алкиной на острове феаков гомеровекой "Одиссеи" прямо фиксируется текстом Диодора /II, 56, 7/. Мотивы непрекращающегося изобилия и неизменно наилучшего климата являются общими у Гомера и Ямбула, как и крайнее положение островов, которые они описывают, и их изоляция /до Одиссея феаков редко кто посещал, а после того, как они

помогли ему вернуться домой, Посейдон в гневе задвинул остров скалой/. Стоит отметить, что удаленность острова феаков у Гомера выступает не только в аспекте труднодоступности счастливой страны, но и специально как гарантия благополучия ее жителей.

Менее мифическим, чем остров Схерия, представлен в "Одиссее" остров Сира: туда по торговым делам заглядывают финикийцы, с этого острова родом Эвмей /одно из действующих лиц поэмы/, который предполагает, что его собеседник /Одиссей/ об этом острове имеет представление. Вместе с тем -

"Там никогда не бывает губящего голода, люди
Там никакой не страшатся заразы, напротив, когда там
Хилая старость объемлет одно поколение живущих,
Дух свой серебрянный взыв, Аполлон с Артемидой нисхо-
дят
Тако, чтоб тихой стрелой безболезненно смерть посы-
лать
им."

/XV,40 сл., пер.
В.А.Луковского/

Таким образом, как и у Эвбука, люди на этом острове наслаждаются изобилием, здоровьем и безболезненно умирают. Отметим, что социальная жизнь на острове Сира /как и у феаков/ ничем не отличается от традиционной для Гомера.

Мотив земли, которая, будучи невозделанна, сама рождает все необходимое, также встречается у Гомера, а именно в описании острова циклопов /"Одисс." IX,108 сл./.

У Г е с и е д а различные черты счастливой жизни впервые в греческой литературе объединяются в единую утопическую картину /Золотой век: "Труды и дни", 110-120, а также острова блаженных: там же, 167 сл.; - ср. описание Кливейских полей у Гомера "Одисс.", IV,561-569/.

II. Рассказы о дальних странах.

Уже у Гомера мы слышим о счастливых эф и -

опух /"Ил." 1,423 сл./, живущих на краю света /"Одисс." 1, 23-24/. Замечательное, весьма близкое к собственно утопической литературе описание страны эфиопов дает Геродот /II, 17-25/. Эти эфиопы названы долголетними, они в большинстве своем живут 120 лет /островитяне Амбула-150/. Они питаются вареным мясом /ср. Диод. II, 59,1/ и молоком. Их долголетие способствует некий замечательный источник /ср. Диод. II,57,3/. Они семие рослые и красивые люди на свете /ср. Диод. II,56,2 и II,56,3 - вероятно отсутствие волосного покрова на теле мыслится Амбулом как особая красота/. Они живут на краю света, но это уже совсем не мифический край: Камбиз, царь персов, отправляет к ним Послов и идет на них войной. Они праведны, как явствует из ответа царя эфиопов Послам Камбиза. Обычай у них с о - в е р ш е н и е м к н и ж е, чем у всех прочих народов /при том, что вся книга Геродота - кунсткамера самых разнообразных обычаев/. У них, например, совсем как в "Утопии" Томаса Мора, из золота изготавливают кандалы для преступников. У них существует особый способ погребения /как и у Амбула; впрочем, сам способ совершенно иной/. Наконец, у них имеется "стоя с о м н ц а", расположенный поблизости от города Луг, куда специальные люди ночью подкладывают куски вареного мяса, а днем каждый желающий может прийти есть это мясо, причем местные жители говорят, что это мясо каждый раз п о р о ж д а е т з е м л я.

У Геродота встречается и рассказ о племенах, практикующих общность жен. Замечательная мотивировка, которую дает Геродот для общности жен у агафирсов: "чтобы все друг другу стали братьями и, будучи родными, ни зависти, ни вражды не аналили бы друг против друга" /IV,104/.

Наряду с описанием полумифических /именно таковы все те эфиопы в описании Геродота и многих других - в частности, нашего Амбула/ и вообще мифических /как северные гиперборейцы/ счастливых народов в греческой литературе развивается традиция идеализирующих описаний народов, реально существующих и знакомых /впрочем, естественно, далеких/.

Представление о природе как о риге в греческой общественной мысли становится уже безусловно господствующим в первой половине IV в. до н.э.; в частности, распространяется представление о том, что более простая /приближенная к природе, естественная/ жизнь лучше во всех или в некоторых отношениях /"примитивизм" в определении Лаврова в Босса; кстати, несмотря на их классическую работу и другие ученые сочинения, многие до сих пор решительно недооценивают значение "примитивистских" концепций в античной общественной мысли/. Видное место в этом течении занимает Эфор /его труд доведен до 340 г. до н.э./: В частности, о скифах он утверждал, что они ведут скромный образ жизни, отличаются различными достоинствами, в том числе - у них в с е о б щ е е, даже женщины, дети и родственники.

Поход Александра дал толчок к появлению обширной литературы такого рода об Индии, с которой Амбул, сам взявшийся писать об Индии и сообщивший /т.е., главным образом, сочинивший/ о ней новые подробности, должен был быть хорошо знаком. Прежде всего на Амбула повладал О н е с и т - р и т, ученик знаменитого киника Диогена из Синопы и участник похода Александра. Особенно важно для нас описание Омесикритом индийской страны Мускианы. Сама эта страна не является вовсе плодом фантазии Омесикрита; о ней сообщает также Аристобул, другой участник похода Александра /впрочем, ничего достоверного/. По мнению Страбона /XV, 1, 21/, Омесикрит описывает эту страну с самыми подробностями - признавая утопическую конструкцию. Показательны сами подробности. Жители этой страны живут 130 лет, причем не знают старческой дряхлости. Ростом они в пять локтей и две ладони. Они отличаются здоровьем и простотой жизни, хотя страна их изобилует всеми продуктами. Они устраивают общественные трапезы, наподобие спартанских, причем обедают на общественный счет, а мясо добывают на охоте. Они не пользуются золотом и серебром, хотя имеют рудники этих металлов. Вместо рабов им прислуживают юные цветущего возраста /тот же ход мысли повторяется у Беллани - мобильная трудовая армия из молодежи/. Из наук они основательно зани-

нартос только медициной, считая, что углубленные занятия
ниши из наук являются даже преступлением — например, заня-
тие военным делом. Судебные процессы бываю у них только
из-за убийства или оскорбления. В этой стране растут необыч-
ные деревья. Наконец, примечательна локализация страны —
в крайнем южных областях Индии.

Заслуживает внимания одно расхождение между Онесикри-
том и Мегасфеном, которое фиксирует Страбон. Согласно Ме-
гасфену, никто из индийцев не пользовался рабами /и эту
точку зрения приняли Диодор и Арриан/, но Онесикрит утвер-
ждал, что отсутствие рабства является особенностью страны
Мусикана, причем он одобрял это нововведение, ставя его
в ряд с другими особенностями этой страны — страны, име-
ющей лучшие законы.²⁸ Итак, отсутствие рабства, как и дру-
гие черты /долголетие, здоровье, высокий рост, простота
жизни при наличии изобилия, отсутствие земледелия, особое
положение одной науки, пышная и диковинная природа, поло-
жение на крайнем юге/ являются общими для рассказа Онесик-
рита и утопии Ямбула.

В. Р а ц и о н а л ь н ы е п р о е к т ы
п е р е у с т р о й с т в а г о с у д а р с т в а и
о с о б с т в е н н о у т о п и ч е с к а я л и т е р а -
т у р а .

Наиболее ранний проект Г и н о д а м а М и л е т -
с к о г о /современник Перикла/ и Ф а л е я Х а л к е -
д о н с к о г о не хватало еще той радикальности в попыт-
ке достичь счастливой и совершенной жизни, которая, по на-

²⁸ Страбон, XV, 1, 54 — как совершенно справедливо, вопре-
ки Джоунзу /которому следует Г.А. Стратановский/, интер-
претирует это место Браун. Еще одно характерное расхож-
дение: Мегасфен рассказывал, что индийцы питаются бес-
порядочно; Онесикрит же говорит о совместных трапезах
у мусиканов.

нему мнению, непременно должна ассоциироваться с утопией. Гипподама с Амбулом роднит приверженность к симметрии, однако, следов влияния его или Салеев проектов на утопию Амбула не наблюдается.

В "Государстве" П л а т о н а мы имеем классическую во всех ^{почти} отношениях утопию. Одним из самых знаменитых пунктов платоновского проекта была в античности общность жен, а также детей. Внимательное чтение Диодора /II, 58, 1/ позволяет думать, что Амбул опирался непосредственно на Платона. С порядком отношений относительно общности детей у Платона связана и власть старшего, которая получает столь важное значение у Амбула, а у Платона носит более локальный характер. Установления "Государства", как и у Амбула, предписывают воспитывать только полноценных детей; от тех же, кто не является таковыми, — забавляться, правда, не открыто и посредством испытания, как на острове Солнца, но тайно, по усмотрению начальников. Впрочем, здесь у обоих, должно быть, был общий источник: т р а д и ц и я о С и а р т е, вообще оказавшая сильное влияние на утопическую литературу.

Роль Платона чрезвычайно велика и в становлении другой важнейшей черты античной утопии. Речь идет об акценте на и р а в е с т в е н н о с т и жизни счастливого народа. Подлинно счастливой начинает мыслиться не та жизнь, когда булки падают в рот, а такая, которая наибольшим образом сопряжена с добродетелью. В послеплатоновской литературе эти вопросы обстоятельно обсуждаются, например, в "Политике" Аристотеля. Последний, разделяя в целом платоновскую точку зрения, вынужден даже подчеркнуть необходимость также и внешних благ /"Политика" УП, 1, 6/. Гекатей Абдерский, написавший сочинение о легендарных гиперборейцах и составивший идеализирующее описание Египта, считает, что как на лучшие следует смотреть не на те законы, которые делают людей богатыми, а на те, которые их делают добродетельными и лучше всего соединяют для общественной жизни /Диодор, 1, 93, 4/. Эта тенденция ярко отразилась в утопии Амбула. Добродетельность островитян подчеркнута в первом же сообщении о них /II, 55, 4/, тогда как Амбул и его спутники вследствие того, что они

были воспитаны в порочных привычках, не смогли надолго стать участниками их счастья и как злодеи были изгнаны; островитяне, располагая изобилием во всем, не потребляют безудержно, но, в соответствии с добродетелью, соблюдают умеренность. Примечательно, что саму ситуацию, когда при изобилии сохраняется умеренность, мы находим уже у Платона в описании ранней, счастливой стадии истории Атлантиды:

Наряду с нравственностью счастливого народа специально подчеркивается его благочестие. В жизни обитателей Солнечного острова немалое место уделено пению гимнов и славословий в честь богов /Диодор, II, 59, 7/. Здесь в основе лежит традиция, важную роль в которой играют платоновские "Законы". Другая составная этой традиции - рассказы о частях в в х г и н е р б о р е я х. Пиндар говорит о непрерывных славословиях в честь Аполлона, о хорах гиперборейских девушек, его поддерживает Гекатей. Столичный город Теомонна /вторая половина IV в. до н.э./ прямо назван "Благочестивым" /Эвсебес/; Фиггер в своей утопии отводит первую роль жрецам.

Однако тенденция представлять утопический народ как прежде всего добродетельный не могла удовлетворить те психологические запросы, без которых невозможна утопия. Реакция наступила мгновенно. Уже у самого Платона она проступает в сказочном богатстве атлантов и отчетливо видна в том факте, что Платон наделяет древнюю Аттику /т.е. свое идеальное государство/ самой плодородной, какая только бывает, землей, тогда как, по идее, счастье граждан его государства не зависит от внешних благ.

К Платону, по-видимому, восходит и ряд более частных деталей. Диодор /II, 57, 3/ говорит о теплых и холодных источниках на острове Солнца: первые освобождают от болезней, вторые отличаются замечательным вкусом и содействуют здоровью. В "Критии" также говорится о двух источниках, холодном и теплом, с водой, удивительной как на вкус, так и по целительной силе. /Впрочем, два источника упоминаются еще в гомеровском описании сада Алкиноя/. Островитяне Амбула особенно сведущи в "звездоведении". Это тоже традиция,

восходящая к Платону /его "Законам"/. Наконец, следует, естественно, иметь в виду роль Платона в истории всеческих коллективистских концепций, отразившихся и в утопии Ямбула.

Платон сделал также решающий шаг к выработке классической формы утопического сочинения. Его Атлантида, правда, не вполне утопическая страна /там нет радикального счастья и совершенства/, и она локализована не только в далеком пространстве, но и в далеком времени, но это уже целиком вымышленная страна, с фиктивной географией, историей и социальной жизнью.

Вполне классическое обрамление утопии получила у Эвгемера. Его Панкея локализована в пространстве, не освященном традицией или мифом /пусть даже к случаю сконструированным, как, вероятно, у Платона/, и он описывает эту страну от имени очевидца. Ямбул является его преемником в этом отношении. Да и вообще Эвгемера можно назвать непосредственным предшественником Ямбула. Как и Эвгемер, Ямбул сперва посещает Аравию и после разных приключений попадает на остров в южном океане. Уже у Эвгемера есть мотив ослепца, его боги занимались на Панкее астрономией, оба автора проявляют интерес к писью. Источники на том и на другом острове необыкновенно сладки, плодовые деревья и виноградники растут в изобилии; оба увлекаются описанием животного мира и растительности острова. У Эвгемера, как и Ямбула, мы ничего не слышим о рабстве.

Имеется, правда, и существенные различия. Например, однородность социальной структуры и отсутствие занятия земледелием и скотоводством у Ямбула.

Часто пишут о Ямбуле как выразителе стоических идей. Это сильное преувеличение. Правильнее было бы говорить об общих для стоиков и Ямбула идеях и чертах, ибо оказывается, что эти параллели /когда они действительно; указывают и много иных/ либо восходят к общему источнику — например, Платону, либо принадлежат к идее, не являющейся специфическим достоянием какой-нибудь одной философской школы; такой идеей является, например, примитивизм. Кстати, примитивизм и явился, главным образом, тем основанием, на котором

переклещались взаимно противоречивые тенденции счастливой жизни по типу Золотого века и по типу социальных утопий, в равной мере наличествующие у Ямбула /о чем мы говорили выше/.

Если несколько подробнее остановиться на социальной стороне утопии Ямбула, то здесь следует отметить, что зачастую, с одной стороны, недооценивают степень организованности жизни островитян, с другой — переоценивают значение их социальной однородности: в агалитарности утопии Ямбула, в отсутствии рабов, в частности, видят какую-то редкостную смелость мысли или даже революционность, могущую стать идейной программой социального движения. Но откуда взяться и что делать рабам на острове, где земля сама доставляет все необходимое для пропитания, жители которого живут "по природе", не ведая ни города, ни государства, ни законов, ни судов, ни земледелия? Отсутствие рабов в таких описаниях — нормальная ситуация, и вполне характерно, что Диодор не фиксирует внимания на этой черте рассказа Ямбула, тогда как сообщения об отсутствии рабства в Индии /стране все-таки достоверной, с городами и т.п./ его внимание возбуждает. Мы видели, что существовала целая традиция об отсутствии рабства в Индии и южных странах. Кроме того, еще Аристотель были известны люди, те о р е т и - ч е с к и обосновывавшие несправедливость рабства. Ходячее мнение о влиянии утопии Ямбула на восстание Аристоника /133 г. до н.э./ решительно недоказуемо. Во всяком случае, что касается собственно утопии Ямбула, то всякий непредубежденный читатель может убедиться, что она не является социальным проектом, она не ориентирована на реализацию, ибо островитяне Ямбула существуют в совершенно особых и невозпроизводимых в реальности условиях. Мы, правда, знаем случаи, когда утописты /кстати, огромное большинство социальных утопистов как раз ориентируются на реализацию/ постулируют наступление со временем подобных условий, но у Ямбула этого нет. "Так... люди, — говорит в "Государстве" Пла-

тон, — сами тешат себя во время одиноких прогулок: они не нашли, каким образом осуществится то, чего они возжелают, но, минуя это, чтобы не мучить себя раздумьями о возможности и невозможности, полагают, будто налицо уже то, чего они хотят: и вот они уже распоряжаются дальнейшим, с радостью перебирают, что они будут делать, когда это совершится" /пер. А.И. Вгунова/.

Однако и за внутренне противоречивым текстом должна стоять некая цельная психология его создателя и читателей, у которых этот текст нашел отклик. Здесь следует иметь в виду, что эпоха, в которую была создана утопия Ямбула, — это эпоха, в которую складывается как жанр греческий роман. В греческом романе в с е г д а с ч а с т л и в ы й к о н е ц. Этот жанр, неизменно сопряжен также с фантастикой, приключениями, удивительным. /Собственно, в рассказе Ямбула имеются типичные для греческого романа мотивы: оракул, жертвоприношения, разбойники, похищение, странствия, справедливый царь, помогающий герою/. Утопия Ямбула — продукт эпохи, которая тяготеет к существующим порядкам вещей и уходит от него в грезы и чудеса; эпохи, которая не хочет принять этот мир, но мало надеется на его изменение собственными усилиями. Полночный строй в том виде, в каком он вызывал к жизни политические революции или рационалистические проекты радикального социального переустройства, остался позади; эллинистические цари не оказались философами; христианство еще не родилось. Сочинение Ямбула было адресовано, выражаясь современным языком, широкому кругу образованных читателей и, судя по тому, как о нем в "Правдивой истории" говорит Лукриан, имело у них успех.

На у т о п и ю Э в г е м е р а мы не станем сейчас специально останавливаться и ограничимся сказанным в очерке, предпосланном переводу утопии Ямбула. Единственно отметим, что сочинение Эвгемера "Священная записка" имела несравненно больший резонанс в античной /в том числе латинской/ литературе, чем роман Ямбула. Достоверность его сообщений о Панхее обсуждают географы, остров упоминают поэты.

Но дело здесь не только в собственно утопической части "Священной записи", но и в других сторонах этого произведения, и в частности в идеях, высказанных Эвгемером относительно происхождения традиционной религии: по его мнению, боги греческих верований — это впоследствии обожествленные, но некогда реально существовавшие люди /в связи с этим в науку вошел термин "эвгемеризм"/.

Переводы из Диодора, помимо очерка, мы снабдили также комментарием, руководствуясь при его составлении, в частности, стремлением не повторять сказанного в предисловии.

УТОПИЯ ЯМБУЛА В ИЗЛОЖЕНИИ ДИОДОРА СИЦИЛИЙСКОГО

55 /1/ Об острове, обнаруженном в океане на юге, и о диковинных вещах, сообщаемых о нем, мы попытаемся рассказать кратко, тщательно изложив наперед обстоятельства открытия. /2/ Был некто Ямбул, с детских лет ревностно стремившийся к образованию. Отец его был купцом, а когда он умер, Ямбул тоже занялся торговлей. Но отправляясь через Аравию в страну ароматофоров, он вместе со спутником был захвачен какими-то разбойниками, и в первое время он вместе с одним из товарищей по плену был обращен в пастуха, но впоследствии вместе с ним был захвачен какими-то эфиопами и увезен к побережью Эфиопии. /3/ Они были захвачены как чужеземцы — для оскращения земли. Ибо у тамошних эфиопов имелся обычай, переданный из давних времен и утвержденный оракулами богов, каждые двадцать поколений или шестьсот лет

55,2: Ямбул пожелал назвать себя купцом, чтобы мотивировать свои путешествия, но этот жанр в смысле доверия пользовался жалким кредитом, поэтому, чтобы придать больше веса своим сообщениям, Ямбул подчеркивает свою образованность /Страбон в качестве первого довода, почему не следует доверять купцам, указывает как раз на их необразованность/. — Страна ароматофоров: Сомали. — С одним из товарищей...: его присутствие способствует иллюзии достоверности.

/считая поколение по тридцать лет/ совершать подобное очищение. А именно, когда посредством двух людей совершались очищение, для них приготавливалось суденышко, по величине подходящее для двоих, способное выдержать морские бури, и которым легко могут управлять два человека. Погрузив в него еду, в количестве достаточном для двух людей на шесть месяцев, и посадив туда мужей, они велели выходить в море согласно велению оракула. А плыть велели на вг; /4/ ибо они придут на остров счастливый и к людям добродетельным, у которых станут блаженно жить. А сходным образом, говорили они, и их собственный народ, если посланные благополучно доберутся до острова, в течение шестисот лет будут наслаждаться миром и жизнью, во всех отношениях счастливой. А ежели, устрешенные длиною моря, они поплывут обратно, то как нечестивцы и осквернители всего народа подвергнутся величайшей мести.

/5/ И вот, говорят, эфионы вышли ~~на вышля~~ на морской берег для великого всенародного праздника, и совершив великоленные жертвенные церемонии, увенчали тех, кто будет разыскивать остров и совершит очищение народа, — и отпустили их. /6/ Они же плывя по морю великому и испытывая бури, в четыре месяца достигли того самого острова, о котором узнали заранее, — круглого по форме и около 5.000 стадиев в окружности. 56 /1/ А когда они уже приблизились к острову, некоторые туземцы, вышедшие навстречу, причалили их суденышко. Сбежавшиеся островитяне прибытию чужеземцев удивлялись, но обошлись с ними подобающим образом и уделили им от своих благ. /2/ Что касается островитян, то они сильно отличаются от живущих в знакомых нам краях физическим своеобразием. Все они сходны по телосложению и по высоте превышают четыре локтя. Их кости на определенную степень сгибаются и возвращаются в прежнее положение — подобно суставам.

55,4: их собственный народ: нередкая в утопиях коллизия, когда наряду с собственно утопической страной упоминается еще другая счастливая страна — например, страна полиперитов в 1 кн. "Утопии" Томаса Мора, Спорумо у Вераса.

55,6: круглую форму острова Водрри связывают с солнцем, которому он посвящен; центральная симметрия вообще чрезвычайно характерна для утопии, кольцевая — особенно подчеркнута в платоновском описании Атлантиды, а также у Кампанеллы. 5.000: ср. платоновский "Критий" 113 с: радиус прекрасной равнины в Атлантиде — 50 стад.; 116 а: диаметр острова, на

/3/ Тела их в необыкновенной мере нежны, но гораздо сильнее, чем наши: а именно, когда они схватят что-нибудь руками, никто не может вытащить то, что удерживается их пальцами. У них совершенно нет волос на теле, кроме как на голове, бровях и ресницах, еще и на бороде; остальные же части тела столь гладкие, что не видно ни малейшего волоска.

/4/ Они отличаются красотой и стройностью тел. Ушные отверстия у них гораздо шире, чем у нас, и вырастают у них словно язычки.

/5/ Имеется у них особенности и в отношении языка — одна свойственна по природе, другая искусно устроена по замыслу. А именно: язык у них на определенном промежутке двойной, а сверх того они разделяют и заднюю его часть, так что он становится двойным вплоть до самого корня.

/6/ Вследствие чего они обладают широчайшим диапазоном звуков и не только воспроизводит любовь человеческую и членораздельную речь, но и многоголосие птиц и вообще издают звуки любого свойства. А самое удивительное, что они свободно беседуют сразу с двумя повстречавшимися, отвечая и по сложившимся обстоятельствам поддерживая общение. Ибо одной половинкой с одним, другой половинкой таким же образом с другим разговаривают.

/7/ Климат у них, как у живущих по экватору, самый умеренный, и они не страдают ни от зноя, ни от холода. И плоды у них созревают на протяжении всего года, как и поэт сказал:

котором стоял дворец равен 5 стад... — Четыре месяца: столько же требуется для путешествия в "Икарию" Кабе. — 56,3: нет волос — это место пародирует Луккиан, "Правд. ист.", 1, 23, о селенитах; красивыми они считают такого, кто в каком-нибудь месте плешив или лишен волос, а к покрытым волосами они испытывают отвращение... Но над коленом у них все-таки имеется небольшая растительность. — 56,4: Ватиканская рукопись: новдри, остальные: ушные отверстия; Ямбул употребляет здесь слово "эпиглоттие", которое говорят за книжные корни Ямбула. — 56,5: разделяют: принимаю конъектуру Пефера. — 56,6: ср. Платон в "Политике" /272 в/: в век Кроноса люди могли беседовать с животными; ср. "Сон смешного человека" Достоевского. — 56,7: "Одиссея", 120-121, пер. В.А. Жуковского. — День всегда равен ночи: то же самое Пиндар о блаженных; кажется, пародирует Луккиан "Правд. ист." 1, 12 /о блаженных/: "У них не бывает ни ночи, ни сменяющего дня, а страна их наполнена светом, какой бывает в прекрасные сумерки, за которыми не следует восхода солнца." /пер. К.В. Тревер/.

"Груша за грушей, за яблоком яблоко, смоква за смоквой,
Грозд пурпуровый за гроздом сменялись там, созревая.

У них всегда день равен ночи, и в полдень никакой предмет не отбрасывает тени вследствие того, что солнце находится в зените. 57 /1/ А живут они по родственным объединениям и группам - в каждой не более 400 близких. Они проводят время на лугах, поскольку страна имеет множество вещей для пропитания. Из-за вследствие достоинств острова и благоприятного климата то, что дает пропитание, самопроизвольно рождается в количестве большем, чем необходимо. /3/ Ведь у них растет много тростника, приносящего щедрый плод, похожий на бобовое растение белого цвета. Собрав эти плоды, они вымачивают их в горячей воде, пока они не приобретут размер голубиных яиц; затем, умело раздавлив это и растерев руками, они вылепляют хлеба, которыми, отменными по вкусу, они и питаются, выпекая их. /3/ Есть у них и источники, полные воды, - одни теплых вод, годные для купания и способные освободить от усталости, а другие, холодных вод, замечательные своим вкусом и могут содействовать здоровью. Имеется у них в наличии и забота о всестороннем образовании, особенно же о науке о звездах. /4/ Они используют букв по числу значений - 28, а по начертаниям - 7, и каждая буква принимает 4 вида. Строчки пишут, не вытягивая в бок,

57,1: не группа составляется из родственников /их невозможно определить там, где матери не знают своих детей/, но входящие в одну группу считаются родственниками; общность жен, очевидно, тоже ограничена рамками группы. Объединения подобного рода, например, у Мора; "Ни одна деревенская семья не имеет в своем составе менее 40 /ср. 400 у Ямбула/ человек - мужчин и женщин, кроме двух приписных рабов. Во главе всех стоят отец и мать семейства, люди уважаемые и пожилые /ср. Ямбул, ниже/, а во главе каждой тридцати семейств - один филарх." /пер. Малкина и С.Петровского/.

57,4: письмо, 7x4: в соответствии со структурой лунного месяца; ямбулов метод нанесения трафаретов использует, правда, не с абсолютной последовательностью, алфавит утопийцев Тоаса Мора. Интерес в письму вымышленной страны обнаруживает еще Платон /"Критий" 119 в, сл./ . Что касается написания в столбик, то здесь важнее не то, какое именно письмо /кстати, нельзя все-таки исключать, что здесь следы знака с Китаем/, а то, что оно особое; любовь к особому письму широко распространена, изобретением своего особого письма увлекаются, в частности, многие дети /всевозможные

как мы, но сверху вниз записывают в прямой столбик. Люди же являются чрезвычайно долговечными как живущие до 150 лет и являющиеся свободными от болезней; а если кто получает увечье или вообще имеет какой-нибудь телесный недуг, такого по негнскому суровому закону они принуждают к тому, чтобы он сам ушел из жизни. Имеется у них обычай жить до определенного возраста, и исполнители этот срок добровольно умиряют насобичной смертью: у них растет особого свойства трава, на которую когда кто-нибудь ложится, - в набитый и легко, погружившись в сон, умирает. /2/ Есть у них и животные, небольшие по величине, но удивительные по природе тела и свойству крови. Они круглые по форме и очень похожи на черепахи, а поверхность их помечена двумя крестообразными линиями цвета яйца, /3/ а на вершине каждой они имеют глаз и рот - так что, и глазами четырьмя и равным числом ртов пользуясь, они сводят пищу в одну глотку и, когда через глотку пища поглощается, все стекается в один желудок, равным образом и все прочие внутренние органы у них в единственном числе. Многочисленные же ноги расположены по всей окружности, благодаря чему они могут передвигаться в любую сторону. /4/ Кровь же этого животного обладает удивительными свойствами: ибо она все тело расщепленное, но еще живое тотчас склеивает; и даже если рука отрублена или что-нибудь подобное случится, посредством ее, когда разрыв еще свежий, приклеивается; и остальные части тела, сколько их есть, она скрепляет, если только они не соприкасаются с главными и удерживающими жизнь местами.

"шифры" и т.д./ - 57-5: у Вераса люди с физическими недостатками выселяются в страну второго сорта; аналогичным образом в первоначальной /итальянской/ версии утопии Кампанеллы велели выселиться за пределы Города Солнца. Такого рода установления ясно указывают на то, что утопистами движет не только забота о счастье людей, но и что-то другое: добровольность принятия смерти /а также наказания/ - важная черта социальных утопий. Ср. у Кампанеллы виновного убеждает до тех пор, пока он не признает свою вину и не пожелает себе смертного приговора, иначе он не может быть казнен /согласившись, человек обкладывает себя мешками с порохом и поджигает их/; в иезуитском государстве в Парагвае, организованном на принципах, характерных для государств социальных утопий, благодарили за экзекуцию; неизбежны,

58 /1/ Женщины в жены не берут, но имеют общих и рожденных детей как общих, равно их любя, воспитывают; а когда те являются еще младенцами, многократно меняют женщины, кормящих новорожденных, чтобы матери не узнавали своих. Вследствие чего, коль скоро у них нет никакого соперничества, они живут без раздоров, более всего дорожа согласием. /5/ А каждая из групп держит огромную птицу необычайной природы и с помощью ее они испытывают малых детей, кто из них какими душевными задатками обладает; а именно, они берут их с собой в полет и выдерживаящих полет они растят, а страдающих преступном тошнотой и преисполняющихся страхом они сбрасывают вниз как недолговечных и недостойных прочими силами души. /6/ В каждой группе самый старший всегда имеет руководство подобно какому-нибудь царю, и все ему повинуются. Когда же первый по старшинству, достигнув 150 лет, по закону сам себя лишает жизни, руководство принимает тот, кто после него является самым старшим. /7/ Море вокруг острова, будучи бурным, с сильными приливами и отливами, является пресным. Из звезд, которые у нас, Медве-

конечно, ассоциации из более близкой нам истории. Кажется трудность для утопического общества создал бы отказ от добровольной смерти, хорошо показывает один известный роман XXв. Герой "Приглашения на казнь" живет в обществе, правда не вполне утопическом, но где каждый — как у Ямбула и прочих — похож на другого. Казнь не может там состояться без демонстрации согласия между осужденным и палачом. В последний момент герой задается вопросом, а зачем он здесь, зачем он кладет голову на плаху? И когда он вместе с ответом распрямляется, палач и вся окружающая толпа распадаются, как театральные декорации. — особого свойства трава: напоминает рассказы о мандрагоре, маковых полях, анчаре и т.п. — 58,2: меняю порядок. — 58,2-3: об этих круглых животных, пересеченных крестом, с четырьмя вершинами, не хватает только сказать, что их глаза смотрят по четырем сторонам света /мы получим тогда архитектурный план Города Солнца Т. Кампвелла/. Очевидно также, что для того, чтобы двигаться в любую сторону, не обязательно иметь ноги по всей окружности. Кровь этого животного напоминает, естественно, живую и мертвую воду сказок. — 58-5: большие птицы: ср. Луккиан "Правд. ист." II,40 /ср. птицу-рухх/1, II. — Легкая смерть как сон — весьма распространенный и, в частности, гесиодовский мотив; 58,7: морская вода, годная для питья, есть у Фурье: море со временем должно было угодиться лимонаду, из звезд....: текст ненадежен. — 7 островов:

дцы и вообще многие не видны. А всего таких островов — 7, сходных по величине и симметрично друг по отношению к другу расположенных, и все они пользуются одними и теми же обычаями и законами. 59 /1/ А все живущие на них, хотя располагают достатком во всем, так как природа сама родит в изобилии, тем не менее не безудержно потребляют, но стремятся к простоте и принимают только необходимую пищу. Мясо и все прочее они готовят жареным, либо отваренным в воде. Но относительно прочих затейливых разносолов, неготовляемых поверами, и относительно разнообразия в способах приготовления пищи они совершенно несведущи. /2/ Они почитают богами весь небесный свод, и солнце, и вообще все небесные явления. Они искусно ловят множество разнообразных рыб и охотятся на многочисленных птиц. /3/ У них сами собой во множестве растут и плодовые деревья, и оливы рождаются, и виноградные лозы, из которых они в изобилии делают оливковое масло и вино. И змеи, необычной величины, но и не причиняющие людям никакого вреда, имеют мясо съедобное и отличающееся замечательным вкусом. /4/ Одежду они готовят из неких тростников, имеющих в сердцевине блестящий и мягкий пух, собрав который и смешав с истолченными морскими ракушками, они делают удивительные пурпурные плащи.

Бодри и Сергисон связывают с 7 планетами; ср. исключительное значение числа 7 у Кампанеллы. — симметрично расположенных: если в окружность, центром которой является остров Солнца, мы введем правильный шестиугольник, то вершины его будут, полагаю, соответствовать точкам расположения островов; в виде правильного шестиугольника было выстроено утолщенное Телемское аббатство, где господствовал, правда, совсем иной, нежели у Либула или Кампанеллы, принцип /"Делай, что хочешь"/ Ср Лук., "Исслед. ист." II, 27: Радамант на острове блаженных показывает соседние острова, указывая, что, хотя кажется, что их пять, на самом деле дальше еще расположен шестой /итого семь, правда оказывается, что дальше лежат еще один остров/. — 59, 3: та же логика /как здесь про змей/ приводит Фурье к мысли о появлении со временем антиавул, антильвов и т.п. — 59, 4: истолченными: испр. правление Райске. —

Водятся на острове и животные столь необычной природы, что и не верится. /5/ Относительно манеры питаться все у островитян имеет установленный распорядок, поскольку не все сразу и не одну и ту же пищу принимают, но установлены определенные дни, когда рыбная пища, когда птица, когда из того, что можно добыть на суше, а иногда еда из оливкового масла и простейших приправ. /6/ Поочередно они прислушиваются друг другу: одни рыбачат, а эти занимаются каким-нибудь ремеслом, те заняты чем-нибудь другим из полезных вещей, а другие по определенному кругу выполняют общественные обязанности - кроме уже состарившихся. /7/ Во время празднеств и пиршеств у них произносятся и поются в честь богов славословия и гимны, особенно в честь солнца, по которому и острова и сами себя называют. /8/ А умерших они хоронят, зарывая в песок, когда бывает отлив, так что с приливом место засыпается. Говорят, что тростники, которые дают пледы для пищи, будучи толщиной в пядь, по мере увеличения луны разбухают и вновь с уменьшением луны сходным образом убавляются. /9/ Вода теплых источников, сладкая и здоровая, сохраняет тепло и никогда не остывает, если ее не смешать с холодной водой или вином.

60 /1/. Пробыв у них семь лет, Ямбул вместе со спутником против их воли были изгнаны как злодей и воспитанный в порочных привычках. Опять соорудив суденышко, они были вынуждены уехать и, погрузив провизант, плыли более четырех месяцев и были выброшены на берег Индии, в песчаной болотистой местности; /2/ и товарищ его погреб в волнах, а Ямбул, когда он добрался до какой-то деревни, был отведен

59,6: упоминание ремесла /как и занятий науками/ показывает, что островитяне ведут не стопроцентно "естественную жизнь"; впрочем, ясно, что речь идет о каких-то очень простых трудовых операциях /островитяне Ямбула похожи на путешественников, разбиравших лагерь/; когда социалисты 19 в. говорили о совмещении различных профессий в одном лице, это предполагалось как результат обилия свободного времени и "освобождения труда", но, насколько нам известно, идея циклического чередования /каждый проходит весь круг- как, по-видимому, у Ямбула/ не получила распространения. 59,7: пиршеств: принимаю конъектуру Весселинга. -59,9: ср. Герод. II,23: вода источника, которому эфеопы, по-видимому, обязаны своим долголетием, тоже обладает о с о б ы м свойством/ она

туземцами к царю в город Палибетру, на много дней пути отстоящую от моря. /3/ А так как царь был филэллинком и стремился к образованию, Ямбул удостоился от него пышного приема, а в конце концов под какой-то защитой прибыл в Персию, а позднее сумел добраться до Элады.

/4/ Ямбул же и эти вещи счел достойными записи, и об Индии отнюдь не мало написал такого, чего у других не найдешь. А что касается нас, то, выполнив данное в начале книги обещание, мы на этом закончим эту вот книгу.

столь легка, что никакой предмет не может держаться на ней/

60,1: точно так же гунгигны изгоняют Гулливера /вообще, гунгигны Свифта наиболее близкий аналог утопии Ямбула в новоевропейской литературе: сочетание "естественной жизни" с жесткой социальной организацией/, тот же ход мысли у Достоевского в "Сне смешного человека", когда оказывается, что его герой развратил обитателей счастливой планеты /непреднамеренно и непонятно как/; ср. Лукиан, "Правд.ист.",

11,10: герои и его спутникам определяют срок пребывания на острове блаженных ровно в семь месяцев, но на седьмом они и з г о н я ю т с я, ибо спутники Лукиана приняли участие в недостойном деле /Д, 25-27/.

60,1-2: Ямбул рисовал захватывающую романтическую картину: появление долгожданной земли обернулось гибелью товарища /Ямбул, таким образом, избавляется от свидетеля/, а сам он еле спасся.

В ИЗЛОЖЕНИИ ДИОДОРА СИЦИЛИЙСКОГО

У,42

/4/ В Панхее же самой по себе имеется много вещей, достойных исторической записи. Ее населяют, с одной стороны, автохтоны, так называемые панхейцы, а с другой - пришельцы из океанитов, индийцев, скифов и критян. /5/ Имеется в Панхее и город, достойный упоминания, называемый Панарой и выдающийся благоденствием. Жители его зовутся "умоляющими Зевса Триплеменного" и единственные из жителей панхейской земли живут по собственным законам и без царя. Ежегодно они ставят трех архонтов; эти же не являются правомочными приговаривать к смерти, а все другие вопросы решают, причем наиболее значительные дела они сами возлагают на жрецов.

/6/ Стадией на шестьдесят от этого города отстоит храм Зевса Триплеменного, расположенный на равнинной местности и вызывающий особенное восхищение благодаря и древности, и пышности убранства, и удачному расположению. 43./1/ А священная равнина густо осемена всевозможными деревьями, не только плодоносящими, но и такими, которые услаждают зрение; она полна огромными кипарисами, платанами, лавром и миртом, в то время как кругом родниковые воды. /2/ Ибо недалеко от храмового участка из земли пробивается такой силы источник пресной воды, что из него возникает судоходная река, и так как вода из нее разливается во все стороны и орошает землю, то по всей равнине выросли как бы оплывшие ущелья из высоких деревьев, где множество людей проводит летнее время и множество птиц, разных по окраске и достав-

42,5: "тройка" заставляет вспомнить Гипподама Милетского; Зевс Триплеменный, т.е. жители состоят из трех народов /см. дальше/; они также разделены на три класса, но число архонтов - три, вероятно, формальное /а не от каждого класса по одному, тем более, что жрецы, на усмотрение которых передаются важнейшие дела, сами составляют один из трех классов/. 43,1-4: Эвгемер, кажется, первым из утопистов рисует "классический утопический ландшафт".

ляющих большую усладу пенем, выводят итенцов; и всячески там сады и луга, — и многочисленные, и замечательные травы и цветы, — так что кажется, что божественность своего вида все это достойно местных богов. /3/ Там были финиковые пальмы, с большими стволами и чрезвычайно плодоносные, а также многочисленные орешники, доставляющие обильнейшее лакомство местным жителям. А кроме этого, вдобавок еще много различных виноградников, которые тянулись вверх и, хитроумно переплетаясь, создавали приятный вид и доставляли наслаждение от этой земли, совсем не требующее никаких усилий.

44./1/ И был там достойный упоминания храм, построенный из белого камня, имеющий в длину два плетра, а шириной соразмерный длине. Он опирался на высокие, толстые колонны и был разукрашен искусной резьбой. И замечательные изваяния богов отличались исключительным мастерством и поражали весом. /2/ Вокруг храма имели жилища служащие богам жрецы, которые ведали всем, что касается священного участка. От храма был сооружен коридор в четыре стадия длиной и плетр шириной. /3/ По обеим сторонам коридора были поставлены большие медные сосуды с квадратными основаниями. В конце коридора находятся бурно выливающиеся источники реки, о которой мы говорили. Несущийся поток отличается прозрачностью и сладостью и весьма полезен для здоровья тех, кто прибегает к нему. А называется эта река — "вода солнца". /4/ Роскошная каменная ограда, тянувшаяся на четыре стадия по обеим сторонам, окружает весь источник. Вплоть до конца ограды в это место нельзя ступить никому, за исключением жрецов. /5/ А лежащая внизу равнина на двести стадиев посвящена богам, и доходы с нее расходуют на жертвоприношения

43,4: наслаждение от этой земли: сохраняя рукописное чтение. 44,1-2: Наличие какого-то центрального объекта в утопических картинах — чрезвычайно распространенная деталь. Очень часто это храм — так, по-видимому, уже у Гекатея; после Эвгемера ср. прежде всего храм у Дони и Кампанелли; "хрустальный дворец" /по терминологии Достоевского/ утопистов 19 в., например, у Чернышевского — это та же традиция. — 44,3: "вода солнца": ср., конечно, Амбук, а также Геродотов "етол солнца".

За этой равниной есть высокая гора, посвященная богам, а называется она "Трон Урана", а также "Олимп Триплеменный". /6/ Ибо передает миф, что в древние времена Уран, когда он царствовал над ойкуменой, приятно проводил время в этом месте и с вершины взирал на небо и находящиеся на нем звезды, но что позднее это место было названо "Триплеменным Олимпом" вследствие того, что население острова состояло из трех народов. А назывались они одни панахейцами, другие океанитами, третьи — доями: впоследствии последние были изгнаны Амоном. /7/ Ведь Амон, как говорят, не только отправил этот народ в изгнание, но и города их полностью разрушил — и Дюв, и Астерусию срыл до основания. И ежегодно на этой горе жрецы с великой святостью совершают жертвоприношение.

45./1/ За этой горой и на остальной земле панахейцев водятся, как говорят, множество всевозможных животных. Ведь в стране много и слонов, и львов, и леопардов, и газелей, и удивительное множество всякого зверья, отличающегося видом и силой. /2/ Есть на этом острове и три примечательных города — Гиракия, Далида и Скеанида. Земля всюду является плодородной и особенно изобилует всевозможными винами. /3/ Люди воинственны и на старинный манер используют в битвах колесницы. Все их государство разделено на три части, и первая часть состоит из земледельцев, а третья — из воинов, к которым присоединены пастухи. /4/ Жрецы являются руководителями во всем; они являются судьями в спорах и правомочными в прочих общественных делах. Земледельцы, обрабатывая землю, приносят плоды в общее достояние, и тот из них, кто окажется лучшим земледельцем, получает отменную награду при распределении плодов. Жрецами выносятся

44,6: три народа: как согласовать это с 42,4, равно как и согласование прочих противоречий в рассказе Дюдора — особый вопрос, которого мы здесь касаться не будем. — 45,1: была это или нет рассказов об Индии и т.п. и уже в духе романов Жюль Верна и Майн Рида, для утопии более характерны ямбуловы безобидные змеи /впрочем, они не случайно отличаются величиной и на острове Солнца/. 45,4: руководство жрецов: важная утопическая /а также романическая/ традиция, в модифицированном виде ярко выражена в сен-симонизме.

решение, кто первый, кто второй— и так остальные вплоть до десяти— чтобы побудить остальных. /5/ Подобным образом и пастухи отдадут обществу скот и прочее, со всей тщательностью указывая число и вес. Ведь у них вообще ничего нельзя приобрести в частном порядке в собственность, кроме дома и сада; все произведенное и все доходы принимает жрец и каждому по справедливости уделают его долю, и только одним жрецам дается двойная доля.

/6/ Они пользуются мягкой одеждой вследствие того, что у них имеются овцы, отличающиеся от остальных мягкостью шерсти. Они носят и золотые украшения, причем не только женщины, но и мужчины: круглые ожерелья вокруг шеи, браслеты на руках и, подобно персам, кольца, свешивающиеся с ушей. Обувь носят выделанную и весьма сильно раскрашенную.

46./1/ Воины, получая положенное содержание, охраняют страну, разместившись по укреплениям и лагерям, ибо в одной из частей страны имеются банды дерзких и беззаконных людей, которые, подстерегая земледельцев в засаде, нападают на них. /2/ Что касается жрецов, то они значительно превосходят других роскошью и в отношении всего образа жизни сдержанностью и пышностью. Так, они носят льняные одеяния, отличающиеся тонкостью и мягкостью, а иногда носят одежды, изготовленные из самой нежной шерсти. К тому же еще имеют шитые золотом головные повязки. В качестве обуви пользуются пестрыми сандалиями, искусно сработанными. Подобно жен-

45,4-5: все это, конечно, гораздо ближе к собственно социализму, чем Ямбул. Примечательно, что жрецы распределяют по справедливости, т.е. у панхейцев нет фиксированной оплаты, все в руках властей. 45,5: и прочее: т.е. продукты животноводства— сыр и т.д. 45,6: очень не в духе утопий, ср. по контрасту сцену с анемолийскими посланиями у Мора /не навеяна ли она чтением Диодора?/. 45,6: выделанную: конъектура Весселинга. 46,1: банды разбойников, как и дикие звери, опять не столько в духе утопий, сколько в духе романов /европейских/ об Африке /впрочем, борьба с дикими зверями и разбойниками должна была подчеркнуть доблесть панхейцев/. Мы видим, что романическое начало представлено у Эггемера ничуть не меньше, чем у Ямбула /вопреки мнению некоторых/, однако, у Эггемера есть и социальный проект. 46,2: подобно женщинам: очень странно для правящей группы утопической страны. Что касается нарядности вообще, то она может появляться и в утопиях, тяготеющих к аскетизму островитяне Ямбула носят пурпурные одежды.

динам, они носят золотые украшения /кроме серег/. Особенно радостно они отдаются служению богам, гимнам и славословиям в их честь, в песне рассказывая об их делах и благодеяниях по отношению к людям. /3/ Согласно мифу жрецов, их род происходит с Крита и был выведен Зевсом на Панкею в то время, когда он был среди людей и царствовал над ойкуменой. И в качестве доказательства они выдвигают язык, указывая, что многое у них по-прежнему называется по-критски, и что они унаследовали близость и дружеское расположение к критянам от предков, а молва об этом вечно передается потомкам. Они показывали и записки об этом, которые, по их словам, сделал Зевс, когда он, пребывая еще среди людей, основал храм.

/4/ Земля имеет в изобилии рудники и золота, и серебра, и меди, и олова, и железа, и ничто из этого не дозволяется вывозить с острова; а жрецам решительно не дозволяется выходить за пределы священной земли, а кто выйдет, — того имеет право убить первый встречный. /5/ Богам посвящены многочисленные и обильные пожертвования из золота и серебра, так что со временем накопилось гора приношений. /6/ И двери храма имеют удивительную отделку из серебра, золота, слоновой кости, а еще и туи. А ложе бога, длиной в шесть локтей, а шириной в четыре, — целиком золотое и кое-где искусно обработано. /7/ А стол бога, похожий на ложе величиной и прочей роскошью, покоится недалеко от него. А прямо против середины ложа стоит большая золотая стела с начертанными письменами, называемыми у египтян священными, в которых были записаны деяния Урана и Зевса, а после них деяния Артемиды и Аполлона, приписанные Гермесом.

Итак, об островах, расположенных в океане напротив Аравии, мы удовлетворимся сказанным.

46,7: священное письмо: т.е. иероглифы.